

С. В. ГОЛИКОВА

КЛИКУШИ

ПО МАТЕРИАЛАМ УРАЛА XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.

В статье на основе материалов из района Урала анализируется социокультурный феномен кликушества, причины его возникновения и исторические трансформации, а также изменения в его оценке в светском, религиозном и медицинском дискурсах. Особое внимание уделяется рассмотрению на примере кликушества женской телесности и дисциплин тела.

Ключевые слова: история Урала; кликушество; история медицины; телесность и экзорцизм.

Кликушество — обобщающее название припадка и различных его толкований. Припадок был знаком кликушества: оно проявлялось дискретно — от одного припадка к другому. Благодаря своей экспрессивности, этот яркий факт народной жизни был хорошо известен еще до того, как во второй половине XIX в. стал объектом исследования этнографов и психиатров¹. В последнее время этот феномен изучается в контексте религиозной культуры: А. С. Лавров и Е. Б. Смилянская рассматривают законодательство и практику борьбы властей с «нерегулярной религиозностью», в т. ч. с кликушеством, А. А. Панченко — «единство крестьянских религиозно-мифологических представлений, связанных с кликушеством». Кликушам посвящена монография К. Д. Воробек, однако и она анализирует феномен одержимости в целом, вводя его в широкий научный и идеологический контекст².

Авторы гендерных исследований (за исключением Воробек) обходят эту тему стороной, хотя она привлекательна именно для данной проблематики. Кликушество оказалось связано с властными отношениями, начиная с угнетения женщины в рамках патриархальной семьи. Кликуши пережили гонения светских властей, сами провоцировали расправы с «колдунами», в качестве «мнимостраждущих», а затем психиатрических больных испытали на себе власть

¹ *Высоцкий*. 1911; *Краинский*. 1900; *Попов*. 1903.

² *Лавров* 2000; *Смилянская*. 2003; *Панченко* 2004. С. 336; *Worobek*. 2001; *Христофорова*. 2005. № 1. С. 58.

медицины. О кликушестве можно говорить, рассматривая проблемы телесности и дисциплины тела. Наконец, это явление — практически сугубо женское (о чем говорил уже В. Даль), следовательно, оно (как роды, беременность и другие проявления этой «закрытой сферы») принадлежит к женской отечественной субкультуре того периода, о котором собрано недостаточно конкретно-исторических данных.

При рассмотрении кликушества в качестве продукта социально-исторической практики главный акцент следует сделать на способах описания и конструирования этого феномена. Мы сознательно абстрагируемся от медицинского (прежде всего психиатрического) дискурса: важно не то, по какой психологической причине данный индивид начал «кликать», а то, как это событие «обыгрывалось» культурой. Культура «прочитывала» его теми средствами, которые оказались у нее в наличии. Весьма продолжительное время кликушество описывалось не как психическое отклонение, не психиатром, и не с помощью выработанного его профессией дискурса. Таковым оно представлено в большинстве источников, и уже это обстоятельство делает неадекватным психиатрический способ описания кликуш.

Анализ припадка в терминах душевной болезни показывает его «родство» со случаями, наблюдаемыми в других странах. Практически не отличить от кликушества описание состояния двадцатилетней девушки, которое в 1866 г. дал немецкий врач В. Гризенгер:

«Периодическое страдание начиналось жжением и “тоскливым ощущением” (“Angst”) в подчревной области, откуда что-то “горячее” поднималось и вдруг ударяло в голову; тогда нападала на нее тоска, и состояние ее было таково, “как будто ей обо всем нужно составить мысли”, и непременно дурные мысли, “как будто она должна всеми силами противиться Богу, и как будто черт ей любезнее Бога”; затем у нее было “гораздо более мыслей, чем всегда”, и она могла “представить себе все, о чем думала”; когда она закрывала глаза, то “видела все, о чем думала перед собой, и о каком месте подумает, там она и есть”».

Наблюдатель отмечал, что если у его пациентки «ощущений» не появлялось, то она была «весела и разумна», и добавлял, что подобная форма психических расстройств «в характерическом своем развитии, едва ли не исключительно свойственна женскому полу»³.

³ Речь, произнесенная при открытии клиники нервных и душевных болезней в Берлинской больнице «Charite» 1 мая 1866 г. В. Гризенгером // Архив судебной медицины и общественной гигиены... С. 9-10.

Врач дома умалишенных в Илленау Краффт-Эбинг дал более развернутый анализ подобного болезненного состояния, внезапно наступающего у людей, которые, по его наблюдениям, не обнаруживают ни до приступа, ни после него ничего ненормального в психической сфере и не подвержены никакому наследственному предрасположению к душевным расстройствам. Припадки сопровождались конвульсиями и истерическими явлениями, причем больные «часто доходили до порывов истинно бешеных», не щадя ни себя, ни других. Их взгляд был неподвижен, дик, глаза сверкали, мимика лица находилась в постоянном движении, свидетельствующем о внутренней тоске и тревоге. По словам Краффта-Эбинга, «несвязность и глубокое замешательство в сфере душевной жизни» сказывались и на речевом поведении больных, которые в редких случаях не произносили ничего «вовсе». Как правило, они издавали непонятные громкие звуки, говорили отрывистые слова и предложения, часто бессвязные и непонятные. «Там же, — отмечал этот доктор, — где механизм речи приводится в движение более манией, замечаются часто бешеная бессмысленная болтовня, пение, свистание, крики, в течение почти всего приступа». Больные заявляли ему, что «находятся под чьей-то властью», обращались с речами к «беспокоящим их призракам», зывали к ним и давали им ответы. Приступ прекращался так же быстро, как и начинался. Краффт-Эбинг также называл приступ экстазом, уточняя, что он бывает почти исключительно у женщин, что его приступы повторяются часто, и что они до мелочей похожи один на другой по содержанию бреда⁴.

Налицо совпадение с кликушеством и по основным признакам, и таким деталям, как способность припадочных быть там, где они хотят, использовавшейся в отечественной народной культуре для отыскания краденого и «узнавания» судьбы, и тождество от приступа к приступу речевого поведения. И для обозначения подобного состояния психиатрическая мысль того времени выработала иное название: периодическое, временное или преходящее помешательство. Она была не в состоянии прояснить специфику кликушества, как социокультурного феномена. Однако благодаря ей поневоле задаешься вопросом, почему в германских землях аналогичные припадки не переросли в социокультурное явление или, по-иному: почему эти же припадки превратились в объект социальной чувствительности в России.

⁴ Краффт-Эбинг. 1866. № 3. Отд. 2. С. 104-115.

Мало кто из исследователей сомневается, что кликушество «зародилось», то есть выделилось в качестве специфического явления из всей массы одержимых вместе с возникновением в XVII в. мистического сектантства и раскола. Эти новые факты русской жизни связаны с так называемой религиозностью нового времени — неотъемлемой частью формирования новой культурной системы, развивающей личностные начала⁵. Искания людей того периода, основанные на индивидуальном опыте переживания религиозного чувства, отразились на отношении ко всей области сакрального. В таких условиях разница между «кликающими» и другими одержимыми стала бросаться в глаза, то есть обрела статус объекта восприятия. В случае с кликушеством одержимость, как, например, при юродстве, осталась зримой, но дополнительно обрела голос, который добавил ей зрелищности.

Характерной чертой кликуш стала «боязнь святыни», поскольку находящиеся в них бесы не выносили икон, креста, святой воды, ладана и активно проявляли себя при чтении Евангелия, на литургии, особенно при исполнении Херувимской песни, при таинстве Святого Причастия. С одной стороны, явно нарушая церковный ритуал, кликушество несло в себе угрозу общественному порядку, с другой, зло — дьявольское начало, бесовщина — прежде чем быть уничтоженным, следовало обнаружить, а припадок и становился стадией его публичного обнаружения. По замечанию автора XIX в., власти в это время склонны были идти на поводу у кликуш: «их указания часто принимались и преследовались судом. По одному клику беснующейся женщины брали обвиняемого ею человека и подвергали пыткам». Получив известие о появлении кликуш «в каком-нибудь крае», правительство посылало туда нарочных сыщиков искоренять ведовство. Например, в 1606 г. в «Пермском крае» подозреваемых в «напускании на людей икоту» жгли, давая на пытках по три встряски⁶.

Подобная реакция социума показывает, что кликуш воспринимали не в качестве больных, а скорее как знак и средство борьбы с бесовщиной, Целью было не облегчение из гуманных соображений состояния этих женщин, а победа над нечистой силой, «прорывавшейся» из них и обезвреживание колдунов как ее приспешников, что должно было восстановить социальный порядок.

⁵ См., напр.: Живов. 1996. С. 482.

⁶ Там же. С. 414-415.

Припадок у кликуш оказался связан с понятием скандала и квалифицировался как буйство — беспорядок в поведении, душе, нравах и рассудке, — превращаясь в объект социальной чувствительности. М. Б. Плюханова пишет о появлении у людей того времени сознания собственной полной ответственности за дело спасения себя и мира⁷. В таких условиях тонко чувствующее религиозное сознание оказалось болезненно восприимчивым к «клику» беснующихся как к разновидности отклонения от социально-этических норм.

По замечанию исследователей, светский антисуеверный дискурс не находил поддержки церковных структур именно в отношении кликуш. С начала XVIII в., отчитываясь «об отсутствии суеверий и безобразий в епархиях», духовенство продолжало признавать кликушество «бесоудержимостью», противопоставляя репрессиям каноническую практику чтения специальных молитв. Подобное расхождение явно присутствует в рапорте благочинного Дмитрия Флоровского об эпидемии кликушества в селении Нижнем Уткинской слободы. В 1839 г. здесь объявилось до 44 кликуш. Гражданские власти задействовали контору Уткинского завода Яковлевых, непременные работники которого были жителями села Нижнее, исправника Волкова, привлекли врачей, создав временный комитет для расследование на месте обстоятельств дела.

«Какие же средства комитет врачей употреблял для изгнания из страждущих злых духов? — Вопросал отец Дмитрий и отвечал: — По мнению моему, не медицинские, насильственные, противозаконные; ежели по уголовным преступлениям на публичных площадях законами строго воспрещено совсем обнажать женщин, то при собрании четырех врачей и уткинского приказчика Ивана Китаева в присутствии большого числа рабочих людей раздевать и оставлять без рубашки женщин и 18-летних девиц, держать их с обеих сторон за руки и распущенные волосы, потом, вовсе забыв человеколюбие, со льдом смешанной воды из пожарной машины выливать по одной—две сороковых бочек на каждую страждущую, призывая держащих оборачивать на все стороны и направлять биение воды на те места, в коих чувствуют присутствие духа, и язвительными сарказмами спрашивать обнаженных обливаемых, вышел ли нечистый дух?»

Флоровский предлагал «искать избавления от жестоких страданий своих» «в недрах Матери Святой Церкви, в Священных ея таинствах». Он не применил к жителям Уткинской слободы в полной мере

⁷ Плюханова. 2000. С. 384.

ритуал экзорцизма. Но некоторые процедуры, сопровождающие изгнания бесов, по его мнению, принесли страждущим облегчение: успокоившись, одна из них «приложилась к Святому Евангелию, Живо-творящему Кресту и приняла святую Богоявленную воду». «После подобных временных припадков они спокойно, без отвращения истинно беснующихся могли приступать к Святому Евангелию и Живо-творящему Кресту, может быть приступят и к Святому Причастию»⁸.

Если светские власти обнаружили в кликушестве опасность духовного произвола, то церковные — пытались использовать его, собирая кликуш в местах, «прославленных религиозной святостью». Однако и тех, и других интересовали, скорее, типы поведения. Окончательно и бесповоротно большими кликуш признала только психиатрия. Все признаки, которые для этой науки превратятся в недвусмысленные симптомы болезни, до этого распределялись между сумасбродством, безбожием, кощунством и святотатством. Таким образом, единый взгляд на природу кликушества, существовавший во время его появления в XVII в., «разбился» на четыре: народ, церковь, светская власть и психиатрия смотрели на него по-разному. Непокколебимым в своих воззрениях остался народ. Психиатрия стала преемницей позиции светской власти, которая, сформировавшись в начале XVIII в., исчерпала себя к началу пореформенного периода. Сфера интересов церкви с XVIII в. оказалась урезанной — она не затрагивала способы попадания бесов в кликуш с помощью колдовства и порчи, которые она относила к разряду суеверий.

Наиболее разнообразные представления о кликушестве оказались у народа. Однако не стоит забывать, что до сегодняшнего времени они дошли «внутри» церковного, светского, а чаще всего — психиатрического дискурса. Анализируя припадки, психиатры проявили интерес к народному восприятию кликушества, введя в научный оборот значительный фактический материал.

Непосредственно с психологией оказался связан и вытекал из нее сострадательный интерес образованных слоев русского общества к подобным истерическим припадкам. Насколько психологическое объяснение причин кликушества к началу XX в. проникло в широкие слои «образованной» публики, показывают зарисовки богомолья старообрядцев к могилам на Веселых горах уральского журналиста В. Санина. Состояние кликуш он описывает в контексте «необычай-

⁸ Голикова. 1995. С. 108-109, 111.

ного напряжения воли в религиозном экстазе» и намекает на модную в то время концепцию внушаемости. В его интерпретации процесс становления кликуши выглядит именно как длительное постепенное осознание женщиной факта вселения в нее нечистой силы, благодаря внушению ее окружения, которое затем переходит в самовнушение.

«Одна девятнадцатилетняя девушка, страдавшая кликушеством, подробно рассказала мне историю своей болезни. На 17-м году жизни однажды с ней случился легкий обморок, в котором она пролежала два часа. Когда девушка очнулась, то услышала от свидетелей обморока предположение, что в нее вселился бес... С этого дня, — продолжала рассказ больная, — я и минуты не знала покоя, мучимая сознанием, что во мне живет бес. Начала быстро хиреть. Через некоторый промежуток времени припадок повторился, еще более утвердив во мне мысль о бесе. Пришло время паломничества на горы. Я пошла сюда вместе с другими. С одной стороны у меня было страшное желание выгнать беса, но с другой, я ощущала безотчетный страх, который с приближением к могилам все возрастал и возрастал. Завершилось тем, что к могиле я уже сама подойти не могла, а когда меня подвели насильно, я лишилась сознания и превратилась в настоящую кликушу». «Разубедить рассказчицу в том, что в ней никакого беса нет, и что кликушество не более как результат ее расстроенных нервов, не было никакой возможности», — отмечал В. Санин. Причина кликушества, резюмировал он, «самовнушение на почве религиозного фанатизма в связи с массовым народным невежеством»⁹.

Поскольку в случае с кликушеством нечистая сила «являла» себя с помощью голосовой манифестации, то данный феномен можно отнести к сфере речевой культуры, к реализации права женщин на речь. В патриархальной среде они были по определению «немые», оставались бессловесным объектом, интересы которого «артикулировали» те, кто обладал властью и обусловленным ею правом публичной речи. В припадке кликушества женщина, хотя и в парадоксальной форме — посредством голоса бесов, — посмела «открыть рот». Этот феномен показывает, в каком качестве женщины допускались в публичную сферу: присвоив голос пророчества, транса, одержимости. Во время припадка кликуше было позволено говорить от лица сидящего в ней беса, «высказывая в потоке пустой болтовни, по правилам своей бессмысленной и парадоксальной грамматики» то, что имело важность для культуры, было востребовано ею. Приравнение языка женщины к языку нечистой силы стало способом

⁹ Санин. 2001. С. 253-254.

обретения ею своего «голоса» в культуре, собственного места в культурном пространстве и, следовательно, своей идентичности.

Почему же для достижения данной цели женщины взяли бесов в союзники? Одна из немногих исследовательниц речевого поведения мифологических персонажей, О. В. Санникова, отмечает, что «в устах самих демонов слово обретает сверхъестественную силу, речевой акт становится актом магическим. Слова мифологических персонажей никогда не повисают в воздухе, они непременно воплощаются, будь то обещание, угроза или пророчество»¹⁰. Эпидемии кликушества показали, что подобное голосовое проявление зла заразительно, его соблазн и скандальность заключались именно в клике. Передавая атмосферу молений на Веселых горах, В. Санин писал:

«Вскоре за первой кликушей в разных сторонах раздались такие же выкрики других. Всего на могиле Германа проявили себя пятнадцать кликуш... Число кликуш на последней могиле о. Павла возросло до сорока. Их вид и выкрики ужасно нервировали, в особенности женщин. Последние при крике кликуш тревожно озирались по сторонам, крестили рот, затем, крепко сжав губы, клали на них два пальца и так оставались стоять все богослужение». «Впоследствии я узнал, — уточняет автор, — что делали они это для того, чтобы бес, вышедший из кликуши, не вошел через рот в одну из них».

По мнению Санина, коллективный припадок кликуш на фоне религиозного экстаза сотен молящихся создавал колоссальное нервное напряжение, в результате которого более слабые женщины не выдерживали и также начинали кликушествовать¹¹. Эту мысль развивает автор знаменитого труда по народной медицине Г. И. Попов, сообщая о «боязни заболевания, доходящей до паники и охватывающей деревенское население при появлении в деревне одного или нескольких случаев, а иногда и целой эпидемии кликушества»¹².

По наблюдениям П. Шмакова, голос во время припадков у кликуш менялся¹³, по мнению других — становился нечеловеческим. «Разговор» одержимых бесом представлял собой звукояд (нечленораздельные пронзительные крики, косноязычное бормотание, смех,

¹⁰ Санникова. 1988. С. 100.

¹¹ Санин. Указ. соч. С. 252, 254.

¹² Попов. 1996. С. 329.

¹³ Однажды ночью у знакомых крестьян он проснулся от криков кликуши и пребывал в недоумении: «Что за голос? Кто кричит? Я не слышал в этой семье такого голоса». Шмаков. 1916. С. 33-34.

хохот, плач, свист, писк). Обобщенно все эти явления называли «некоторым родом икоты». Видимо, сюда же примыкало подражание голосам животных (лает по-собачьи, поет петухом), а также связанная и осмысленная речь. Последняя для нечистой силы была средством достижения определенных целей. Во-первых, нечистая называла «своего отца и мать, то есть того, кто посадил»¹⁴. Во-вторых, она проясняла перспективы своего выхода из кликающего. Например, хвасталась, что «теперь ее ничем не выведешь». «А...а...а... ах! Не хочу! О...о...о... Ой, пустите... все равно не выйду! О...х, пустите, проклятые!!! — неистово-пронзительным голосом требовала кликуша во время моления на Веселых горах. «Не выйду, еще пять лет не выйду», — вторила ей подруга по несчастью. «Укажите в кого перейти, тогда перейду», — добавляла другая одержимая. В-третьих, предсказывала судьбу и отыскивала краденое. Кроме этого, бесы посредством кликуш ругались, прислали себе «сподручной пищи», без которой не предсказывали.

Согласно О. В. Санниковой, в том, что и как говорят демоны, проявляется их сущность. В случае с эпидемией кликушества 1839 г. это подтверждается буквально. «Будучи приведена мне на квартиру, — рассказывал о поведении Татианы Сысоевой Д. Флоровский, — несколько времени хохотала, плакала... Имя в ней сидящему нечистому духу хохотун». Прасковья Селянина долго плакала и нечистый дух во время припадка заявил, что имя ему плаксивой¹⁵.

Способность к речи является одним из свойств тела. Именно в соматических проявлениях кликушество черпало свои выразительные средства. Кликуши в селении Нижнем Уткинской слободы при приближении припадка начинали чувствовать «разслабление во всем составе тела», давление под ложкой, «ужасную», «необыкновенную» тоску, «производили различные движения членами», «делали кривлянья, тряслись всем телом». Такое состояние продолжалось до ослабления припадочного и завершалось слезами¹⁶.

¹⁴ П-н. 1863. № 13. С. 62. «Окаясшой! — кричала кликуша из деревни Большой Дубовник Осинского уезда. «Дунька. Дунька. Еленка! Еленка! За то, за то посадила», — скороговоркой выкликали кликуши во время эпидемии в селении Нижнем Уткинской слободы.

¹⁵ Голикова. Указ. соч. С. 110.

¹⁶ Помимо отдельных симптомов Д. Флоровский привел описание припадков у некоторых лиц: «Василиска Захарова Селянина жена Парасковья, самого скромного вида и, по отзывам соседей, хорошего поведения, побледнела, едва с трудом держала ведра с водою, при дергании всех членов едва смогла устоять

Припадок являлся серьезной психофизиологической «встряской». У кликуши наступала потеря контроля над телом и мышлением. «Когда порча заговорит в человеке, — сообщали в 1863 г. Пермские губернские ведомости, — предварительно с ним делаются судороги, грудь высоко поднимается, бывает сильный прилив крови к голове». Пароксизм заканчивался, когда «больной замертво падал на лавку или на пол», а окружающим было видно, что «какой-то клубок бьется в груди и подступает к горлу». «Тут, — замечал автор статьи, — нужна скорая помощь больному, чтобы отвлечь клубок к желудку», иначе тот мог задушить человека¹⁷. Кликуши Чердынского и Верхотурского уездов того времени имели обыкновения кидаться на курильщиков с ухватом или «с чем попало»¹⁸.

Происходящее было максимальным выражением телесности — аффективной, экспрессивной, стихийной. «Лицо женщины, — описывал В. Санин кликушу во время моления на Веселых горах, — было страшно искажено. На нем одновременно изображены были и ужас, и какое-то демоническое бешенство, но всего страшнее были глаза, которые до того расширились, что сделались буквально круглыми. Совершенно остановившейся взгляд был устремлен в одну точку и переходил с предмета на предмет только вместе с поворотом головы. В углах рта из слюны образовалась пена»¹⁹.

Кликуши в деревне Б. Дубовник Осинского уезда, «начиная биться», «доходили до обморочного состояния». П. Шмакову женщины признавались, что «им бывает очень тяжело в это время»²⁰. Припадки сильно «изнуряли» также жительниц селения Нижнего Уткинской слободы. Они «целый день бывали совершенно не способны не только к трудным работам, но и к самым легчайшим занятиям»²¹.

на ногах; однако со слезами и всхлипыванием принужденно подошла... для принятия благословения, после чего физические силы ее истощились до такого положения, что она принуждена была приклониться к близстоящему забору и провести сильные, первые пароксизмы болезни. По прибытию в квартиру мою долго плакала и до трех раз усиливалась, и Святую воду, влитую ей в рот, извергала вон со рвотой». Там же. С. 105-106, 107, 109-110.

¹⁷ П-н. Указ. соч. С. 62.

¹⁸ Из записок золотопромышленника... 1863. № 14. С. 66.

¹⁹ Санин. Указ. соч. С. 252.

²⁰ Шмаков. Указ. соч. С. 34.

²¹ Голикова. Указ. соч. С. 109.

Тело играло главную роль и в объяснении кликушества. Представления о природе этого феномена созвучны концепции гротескной телесности, которую, по мнению М. М. Бахтина, интересовало все, что свидетельствовало о чисто телесном напряжении, что выпирало, вылезало из живого организма. В основе построений этого исследователя прежде всего находилась женская физиология. В контексте гротеска она выражалась чревом. Именно способность к деторождению придавала женской плоти нестабильность — она могла увеличивать и уменьшать свои размеры, оставалась не отграниченной от остального мира, не замкнутой. Между ней и средой происходил взаимообмен. Подобная открытость порождала уязвимость, подверженность нежелательному влиянию извне²². На Урале имели хождение взгляды, сбליжающие биологический процесс вызревания плода и вживания «порчи». Последняя так же, как и человеческий зародыш, поначалу была маленькой — ее «садили» в виде мухи, яичка, зернышка. При благоприятных условиях она разрасталась и начинала говорить в своей носительнице, и «мучить» ее. Помимо этого люди верили, что женщина могла родить порчу и таким образом от нее избавиться²³.

На связь кликушества с детородной функцией указывает и ряд других данных. В 1837 г. врачи обратили внимание на то, что половина из более чем сорока кликуш в селении Нижнем Уткинской слободы были женщинами бездетными, а еще у двоих наблюдались «неправильные периодические очищения»²⁴. Хотя С. В. Максимов объявлял кликушество исключительно болезнью «бабьей, не девичьей», В. Санин, общаясь с кликушами на Веселых горах, выявил, что такая опасность угрожала преимущественно молодым девушкам: «Многие из них на мой вопрос, когда это с ними приключилось в первый раз, ответили: на 16, 17 и 18 году жизни, то есть в период половой зрелости». «...А если среди кликуш встречаются и пожилые, — добавлял этот автор, — то все-таки начало болезни относится к их молодости»²⁵. Эти наблюдения подтверждает разговор Порфирия Шмакова со старухой-кликушей из деревни Большой Дубовик Осинского уезда. Рассказав, как ее «испортили», она добавила: «“Молодушкой” я тогда еще была. С тех пор вот и кличу».

²² Бахтин. 1990. С. 33, 265, 351-353.

²³ П-н. Указ. соч. С. 62.

²⁴ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 480. Л. 12 об. — 13.

²⁵ Санин. Указ. соч. С. 253.

Данный автор сообщает также о влиянии психосоматического состояния матери на потомство. «Дети у них часто “заревываются”. — Писал он про кликуш. — Это тоже своего рода припадок: ребенок плачет и капризничает до тех пор, пока придет в состояние обморока: лицо багровеет и сам он остается без движений»²⁶.

Поскольку женское лоно воспринималось как вместилище, сосуд, к кликуше приходило чувство того, что могучая сила входила в ее утробу и управляла ею. Ощущения от первого припадка летом 1831 г. жительница Невьянского завода Заплата описывала так:

«...после обеда часа через три почувствовала в себе необыкновенный жар, и потом до такой степени оной увеличился, что она пришла в род сумасшествия и начала (просто называемо) кликать». На следующий день эта женщина, «поутру стоя у печи, упала на пол и (находясь уже без чувств) стала кричать называемую икотой, что и продолжалось сряду двой сутки». Только через полтора месяца получила она «облегчение», но не полное избавление от недуга, которым «три дня каждой недели одержима бывает»²⁷.

Повторение приступов вело к формированию субъективного (причем чувственного, а не умозрительного) опыта вселения инородной сущности в женщину. Кликуша из деревни Большой Дубовик Осинского уезда в начале припадка хваталась за правый бок и сообщала о локализации такой сущности в теле: «Вот “он” где сидит у меня! Ой-о-йой!»²⁸. Другим кликающим казалось, что нечистая сила «шевелилась» у них в сердце.

Ограничной частью телесной интерпретации кликушества были представления о том, как происходило вселение постороннего начала в организм. Прежде всего, оно осуществлялось через еду и питье. Жители селения Нижнего Уткинской слободы в 1830-е гг. были уверены, что «колдуньи действуют посредством отравительных веществ, смешанных с пищею или питьем, которые, употребивши, здоровый человек вдруг» становился испорченным. Некоторые из кликуш были твердо убеждены, что могли бы избежать подобных страданий, если бы они не ели и пили «в какое-то время на обеде, на коем присутвовали и колдуньи, не оградив себя крестным знамением». Поэтому в качестве профилактического средства от кликушества советовали, не

²⁶ Шмаков. Указ. соч. С. 33-34.

²⁷ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 971. Л. 3, 4 об., 6.

²⁸ Шмаков. Указ. соч. С. 33; Голикова. Указ. соч. С. 107.

принимать от подозрительных людей ни пищи, ни питья. Однако другие полагали, что воля «порчепускателей» оставалась «единственным составом всех страданий»: «Стоит только им пожелать и болезненные явления на человеке обнаруживаются»²⁹. Сжатые губы паломниц на Веселых горах показывают, что, если даже бесы были предоставлены самим себе, рот служил теми воротами, посредством которых они попадали в тело. А постоянное перекрещивание рта и наложение на губы двух пальцев в течение всего богослужения — были приемами, не позволяющими им туда войти.

Согласно рассказу «старушки» из деревни Большой Дубовник Осинского уезда, колдун мог «загнать» в тело своей жертвы беса также с помощью жеста: «Да были мы с ним, с «еретником»-то, в гостях «одныжды». Он на меня осердился за што-то. Как сейчас гляжу: прислонился это он ко мне локтем, да и ткнул. Я как пришла домой, так и «пала», да и давай кричать»³⁰.

Для воздействия на чувствительное женское существо использовали также речевые практики. Выяснение отношений по поводу денежного долга между Марией Лямтиной и Еленой Весниной из селения Нижнее Уткинской слободы, по словам «пострадавшей», закончилось угрозой: «...помни же ты эти 30 копеек!» Воздействие брошенных «в жару злобы» слов Марии, было столь велико, что Елена «в то же мгновение сделалась больна и до ныне известные припадки, род бешенства мучат ее повременно».

Первоначальный припадок инспирировал, конечно, тот, кто «вселял» в женский организм нечистую силу: злые люди, «еретники», чародеи, колдуны, знахари. Последующие — могли быть реакцией на присутствие «некоторых лиц» (возможно, тех же, кто «вселил»), встречу с «начальствующими лицами или духовными особами», а также праведниками. Д. Флоровский отмечал, что наблюдаемые им кликуши «к самим духовным особам имеют довольно сильное отвращение», кроме того, их страдания «возобновляются и увеличиваются по прибытии в селение Нижнее кого-либо из начальствующих по делу о кликушах» (возможно, сказалось обливание сороковедерными бочками). Он рассказал о том, как навстречу ему и местному священнику «попался непременно г. Яковлева работник Изосим Космин Сысоев, едущий на лошади верхом с женой своей Татианой, которая, увидев

²⁹ Голикова. Указ. соч. С. 105-106, 108,

³⁰ Шмаков. Указ. соч. С. 33.

нас тоже, издалека начала оказывать подобные прежним болезненные припадки, называя нас еретиками»³¹.

Спровоцировать нечистую силу подать голос могли запахи, прежде всего, запах табака. «Курить вам бабы не позволят, — сообщали в 1863 г. о жителях Чердынского и Верхотурского уездов, — и при первом слушании с вашей стороны начнут вас бранить, если и брань не остановит вас, то взбешенная баба залает по-собачьи, запоет петухом»³². Припадочные женщины начинали кликать «от одних слов о неприятном» для находящихся в них бесам. Кликуша из дер. Большой Дубовик признавалась: «перец я не люблю, тараканов не люблю, а они меня дразнят». «Больные сии, — замечал Д. Флоровский, — не терпят ни в семейной, ни в общественной жизни ни малейших противоречий, от коих болезнь возобновляется во всей своей силе»³³.

Универсальным средством вызвать припадок оставалась любая «Святыня», особенно святые места. У старообрядцев на Веселых горах существовал обычай выводить кликуш навстречу иконам. Их гуськом ставили на колени лицом к иконам, «которые затем пронесли над ними». «Представьте себе картину: — пишет В. Санин, — на колена преклоненных женщин надвигается многочисленная толпа народа с иконами, высокоподнятыми на руках, раздается пение молитв. Впереди и позади начинают судорожно биться кликуши»³⁴.

Приемы «исцеления» кликуш, прежде всего, строились на изгнании беса из телесной оболочки. В них использовались средства, аналогичные их «вселению», например, специально изготовленное питье. Лучшим способом считалось отпаивание «щелоком мутным из горячей воды и золы»³⁵. Производили также манипуляции с «заменителями» тела, например, волосами. Для купирования кликушно-го припадка уральские знахарки отрезали у женщин прядь волос, становились под матицу, наступали на прядку ногой, очерчивали пространство вокруг себя ножом, затем садились на том же месте «как наседки на яйцах» и до трех раз наговаривали на чашку с питьем, потом окунали в нее конец ножа и сосуд наполнялся дымом, по

³¹ Голикова. Указ. соч. С. 106, 110.

³² Из записок золотопромышленника... С. 66.

³³ Шмаков. Указ. соч. С. 33; Голикова. Указ. соч. С. 110.

³⁴ Санин. Указ. соч. С. 253-254.

³⁵ П-н. Указ. соч. С. 62.

словам очевидцев, выходившем «из конца ножа». Приготовленным «снадобьем» также поили страждущих³⁶.

Установка на использование женского тела нечистой силой мешала идентификации кликуши с находящейся в ней духом. Напротив, во время припадка бес начинал «бить и метать того, в ком сидит, ругался, душил... бросал на обидчиков»³⁷. Благодаря этому в речевом плане рождалась ситуация диалога. Бес предавал огласке место своего нахождения ради общения с миром. Используя его способность говорить, стремились не только узнать послание с «того света», но и освободить кликушу от беспокойного соседства, превращая слово в оружие против несоодержимости. Диалоговая форма общения явно видна в процедуре изгнания бесов из кликуш хлыстовскими пророками. Один из авторитетных лидеров оренбургской хлыстовщины, Василий Балабанов научился этому искусству во время странствий по святым местам. Он со своими спутниками и другими паломниками остановился на ночлег, и вдруг одна из присутствующих женщин упала и начала кричать, указывая на Василия: «Ох, тяжело мне, ох! Пришел блаженный, сожег меня! Зачем вы его пустили? Много было у нас странников, но ни одного я так не боялась, как этого пришельца». Взмолванный Балабанов подошел к ней и стал спрашивать беса: «Как ты смел в нее войти, и кто тебя послал?» Тот отвечал: «Меня послала сюда Аксюшка». Тогда Балабанов повелительно сказал: «Именем Божиим повелеваю тебе, бес: выйди отсюда!» Бес закричал: «Не пойду, не пойду! и не выгонишь меня!» Балабанов повторил приказание, но нечистая сила упорно твердила: «Не пойду, не пойду». «Если не уйдешь по добру, то я насильно отошлю тебя в тартар!» — пригрозил «экзорцист». «Ой, нужда, ой горе! Зачем ты меня туда посылать хочешь?» — вопил бес, не сдавая своих позиций. Наблюдая тщетность усилий и замешательство Василия, его духовный наставник Богомоллов предложил: «Вот ты еще не имеешь силы и веры, и бес тебя не слушает, ты скажи ему так: именем Божиим и треплаженной Анастасии повелеваю тебе выйти». (Треплаженная Анастасия — хлыстовская «матушка», с которой незадолго до этого познакомили Балабанова.) Как только эта фраза прозвучала из уст будущего хлыстовского пророка, женщина «опомнилась и с благодарностью упала ему в ноги»: «О, боже мой, сколько лет

³⁶ *Шерстобитов*. 1863. № 18. С. 127-128.

³⁷ *П-н*. Указ. соч. С. 62.

я мучилась и никто не мог меня исцелить и теперь прислал ты, господи, ко мне избавителя!» Исход словесного поединка напрямую зависел от духовного потенциала праведника, который противостоял «нечистой» силе, сидевшей в кликуше. Усилий Василия бесноватые побаивались и кричали: «Не пойдем — нельзя туда идти, огнем сожжет нас». В кладбищенской церкви г. Оренбурга молитвы и «повеление именем Божиим выйти бесу из одержимого им» столь же успешно практиковал другой хлыстовский праведник — урядник Верхне-Озерной станицы Оренбургского уезда Петр Филипов Лосев³⁸.

Кроме того, телесная интерпретация кликушества сформировала «мягкое и сердечное» отношение к самим припадочным. «Впереди меня человек за пять, — описывал В. Санин происходящее на Веселых горах, — я увидел молодую женщину, в судорожных конвульсиях бившуюся в руках у троих мужчин, крепко ее державших»³⁹.

Соблюдая твердо укоренившийся обычай «держат» кликушу, представители сильного пола, по словам С. В. Максимова, искренне верили, что борются в этот момент не с упрямством слабой женщины, а с нечеловеческими силами сидящего в ней нечистого. Оба эти автора, присутствовавшие один в православном храме, другой — на старообрядческом молении, наблюдали одинаковую реакцию на смущение аудитории злым духом: «На всех лицах появляется выражение болезненной тоски и вместе сердечного участия и сострадания к несчастной. Ни малейшего намека на резкий протест, ни одного требования удалить “одержимую”». Напротив, ей «облегчали возможность» выстоять богослужение, а затем самые сильные мужчины выделялись из толпы, чтобы отвести кликушу к причастию. Резкие и суровые меры в разгар припадка, по мнению С. В. Максимова, были продиктованы состоянием, угрожающим жизни женщин, происходили «от прямого усердия, в простоте сердца»⁴⁰.

С захваченным нечистой силой, пассивным женским телом происходила метаморфоза. Благодаря бесу оно обнаруживало и активно проявляло себя, становилось экспрессивным. Экстатический опыт рождал автономную и активную форму проявления природы женщины. В качестве специфического типа поведения кликушество полностью вписывается в традиционную для России ситуацию, предпола-

³⁸ Сементовский. 1880. № 21. С. 831, № 23, С. 923 -924.

³⁹ Санин. Указ. соч. С. 252.

⁴⁰ Максимов. 1995. С. 365.

гающую, что наряду с правильным, нормативным поведением имеет место анти-поведение в тех или иных формах. Поведение наоборот вызывается потусторонним, «кромешным», изначным, бесовским началом⁴¹. Кликушный припадок как форма такого поведения ограничивался набором возможных состояний и жестов тела (кликуше не требовалось даже переодеваний как ряженым, не говоря уже о грандиозных анти-поведенческих проектах Ивана Грозного и Петра Великого). Они обходились бесовским «кликом», бесовским обликом, им были свойственны бесовские отправления тела.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Высоцкий Н. Ф.* Очерки нашей народной медицины. М., 1911.
- ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 971. Л. 3, 4 об., 6; Ф. 6. Оп. 2. Д. 480. Л. 12 об. — 13.
- Голикова С. В.* Кликушество глазами священника // Религия и церковь в Сибири. Вып. 8. Тюмень, 1995.
- Живов В. М.* Религиозная реформа и индивидуальное начало в русской литературе XVII века // Из истории русской культуры. Т. II (XVII — начало XVIII веков). М., 1996.
- Забьлин М.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880.
- Из записок золотопромышленника о розыске золотоносных россыпей в Чердынском и Верхотурском уездах // Пермские губернские ведомости. 1863, № 14.
- Краинский Н. В.* Порча, кликушество и бесноватые как явление русской народной жизни. Новгород, 1900.
- Краффт-Эбинг.* Учение о временном или преходящем помешательстве (*Mania transitoria*), изложенное для врачей и юристов // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1866. № 3. Отд. 2.
- Лавров А. С.* Колдовство и религия в России 1700-1740 гг. М., 2000.
- Максимов С. В.* Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила. Смоленск, 1995.
- Панченко А. А.* Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2004.
- Плюханова М. Б.* О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры. Т. III (XVII - начало XVIII века). М., 2000. С. С. 380-459.
- П-н.* Материалы для характеристики внутреннего быта крестьянской среды. Рассказы про ворожбу, знахарей, порчу и т.п. // Пермские губернские ведомости. 1863. № 13.

⁴¹ См., напр.: *Успенский.* 2002. С. 167-169.

- Попов Г. И.* Русская народно-бытовая медицина // *Торэн М. Д.* Русская народная медицина и психотерапия. СПб, 1996.
- Попов Г. И.* Русская народно-бытовая медицина. СПб, 1903.
- Речь, произнесенная при открытии клиники нервных и душевных болезней в Берлинской больнице «Charité» 1 мая 1866 г. В Гризенгером // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1867. № 1. Отд. V.
- Санин В.* На веселых горах // Демидовские гнезда. Екатеринбург, 2001.
- Санникова О. В.* Говорит нечистая сила // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. Т. I. М., 1988.
- Сементовский С. Н.* «Люди Божии» в Оренбургской епархии // Оренбургские епархиальные ведомости. 1880. № 21.
- Смилянская Е. Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. Минск, 2003.
- Успенский Б. А.* Царь и самозванец. Самозванчество в России как культурно-исторический феномен // *Успенский Б. А.* Этюды о русской истории. СПб., 2002.
- Христофорова О. Б.* Кликуши как явление русской народной жизни // Живая старина. 2005. № 1.
- Шерстобитов И.* Материалы для характеристики народного быта. Знахарство в Чердынском уезде // Пермские губернские ведомости. 1863. № 18. С. 127-128.
- Шмаков П.* По лицу земли: Очерки из жизни Прикамья. Оса. 1916.
- Worobek C. D.* Possessed: Women, Witches and Demons in Imperial Russia. De Kalb, 2001.

Голикова Светлана Викторовна, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН; avokilog@mail.ru.